

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОЛОГОВ «ВАРВАРСКИХ ПРАВД»

А. Ю. Золотарев

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2015 г.

Аннотация: рассмотрен вопрос о текстуальных связях между прологами «варварских правд», причинах их появления в определенном историческом контексте. Делается вывод, что прологи служили средством легитимации возрожденного к жизни при Пипине Коротком древнего права франков и баваров посредством использования топосов провозглашения права его знатоками из числа племенной аристократии и последующего исправления и обновления франкскими королями.

Ключевые слова: Средние века, законодательство, преамбулы, варварские правды, Салическая правда, франки, бавары, лангобарды, Пипин Короткий, Юстиниан.

Abstract: the article deals with preambles of the *leges barbarorum* («barbarians laws»), their textual links, and circumstances of their creation in certain historical context. An author draws a conclusion that the prologues serves a tool of legitimization of ancient law of the Franks and the Bavarians revived under Pepin the Succinct. In these texts one used the topoi of declaration of law by prudent men from gentile aristocracy, of subsequent emendation and renovation of gentile law by the Frankish kings.

Key words: Middle Ages, legislation, preambles, *leges barbarorum*, *Lex Salica*, Franks, Bavarians, Langobards, Pepin the Succinct, Justinian.

Пролог, или преамбула, являются важной частью современного законодательства, которая призвана обозначить персону самого законодателя, причины, побудившие его взяться за издание нового закона, и цели его издания.

Уже древневосточное законодательство содержало более или менее обширную вводную часть [1, S. 5–39]. Средневековая Европа, а значит – через нее и мы, унаследовала практику составления преамбул от Древнего Рима. Самые ранние примеры таких прологов мы находим в конституциях Диоклетиана о ценах, о преследовании манихеев и о законном браке [2, р. 1594–1595]. К сожалению, значительная часть преамбул римского времени до нас не дошла, поскольку, как свидетельствует законодательство Юстиниана, при составлении кодексов они отсекались как излишнее многословие (*De novo codice componendo*, 2) [3, р. 1].

Раннесредневековое законодательство, в частности так называемые «варварские правды», также иногда содержит краткие или же, наоборот, весьма пространственные прологи. Мы анализируем текстуальные связи между ними и причины их появления именно в тех текстах, в которых они находятся.

Рукописи редакции «С» Салической правды, которая была создана, по мнению авторитетного исследователя этого памятника К. А. Экхардта, во второй половине VI в., содержат краткий пролог. Его текст следующий: «С Божьей помощью было угодно фран-

кам и установлено между ними и их вождями отсечь, в целях сохранения внутреннего мира, все ненавистные поводы к спорам, и так как они превосходили все окружающие народы рукою храбрости, то соответственно этому превзойти их и авторитетом закона, чтобы сообразно качеству проступков принимались и судебные решения. Были избраны между ними из многих четыре мужа, именно: Визогаст, Салегаст, Арогаст и Видогаст, в селениях, которые за Рейном, в Бодохаме, Салехаме и Бидохаме; и, собравшись на три заседания, они заботливо обсудили все поводы к тяжбам и вынесли о каждом отдельное решение» [4, S. 98–100; 15, с. 88].

С этими же персонажами и населенными пунктами мы встречаемся в «Книге истории франков» (*Liber historiae Francorum*, 4), датированной 727 г.: «После смерти Сунно пришли они [франки] к заключению, последовав примеру остальных народов, выбрать себе короля. И Маркомир посоветовал им это, и, таким образом они выбрали его сына, Фарамунда, своим королем с вьющимися волосами. Тогда же появились у них впервые и законы, выработанные старейшинами племени, именами Визоваст, Визогаст, Арогаст и Салегаст в селениях Ботхагм, Салехагм, и Видехагм, по ту сторону Рейна» [6, р. 244].

Датировка краткого пролога Салической правды, а следовательно, и родственные связи двух этих текстов, вызывают споры среди исследователей. К. А. Экхардт, ссылаясь на авторитет К. Эйхгорна, Г. Вайтца, Г. Бруннера, отмечал, что если бы краткий пролог был заимствован из «*Liber historiae Francorum*», тогда там

упоминался бы король Фарамунд, при котором появился салический закон. Сам краткий пролог, как и редакцию «С», Экхардт датировал последними десятилетиями VI в., обнаруживая текстуальные параллели между ним и Анделотским договором 587 г. между королями Гунтрамном и Хильдебертом II, текст которого до нас донесла «История франков» Григория Турского, предполагая тут руку референдаря Асклепиодота или кого-то иного из королевской канцелярии [7, р. 431–439; 8, S. 169–172]. П. Уормальд полагал, что краткий пролог и «Liber historiae Francorum» были созданы приблизительно в одно и то же время, что не исключает и обратного заимствования [9, р. 28–29].

В одной из рукописей редакции «С» краткий пролог соседствует с длинным прологом, который, как считается, был составлен для следующей редакции Салической правды («D»), относящейся ко времени правления Пипина Короткого. Текст длинного пролога начинается и заканчивается славословиями в адрес народа франков, его стойкости в вере и воинской доблести. Его середина представляет собой сильно измененный и дополненный текст краткого пролога. В новой версии он выглядел так: «Народ франков..., когда еще держался варварства, по внушению Божию, искал ключ к знанию, согласно со своими обычаями, желая справедливости, сохраняя благочестие. Салический закон был продиктован знатными этого народа, которые тогда были его правителями. Выбрали из многих мужей четырех, а именно: Визогаста, Бодогаста, Салегаста и Видогаста, в местах, называемых Сальхам, Бодохам, Видохам. Эти люди собрались на три заседания, тщательно обсудили все поводы к тяжбе и вынесли о каждом из них отдельное решение, как следует ниже. Когда же, по благословению Божию, король франков стремительный и прекрасный Хлодвиг первый принял католическое крещение, все, что оказалось в этом уложении неудобным, было исправлено с большею ясностью преславными королями Хлодвигом, Хильдебертом и Хлотарем» [10, S. 83–88; 5, с. 87–88].

Не подлежит сомнению, что текст длинного пролога является поздним и вторичным по отношению к двум предыдущим версиям. Он риторически украшен, но при этом обладает более стройной логикой изложения. Во-первых, четыре мужа, продиктовавших салический закон, названы правителями (*rectores*), которые предшествовали королям, а не старейшин (*proceres*), действовавших одновременно с ними. Во-вторых, их имена (Визогаст, Бодогаст, Салегаст, Видогаста) куда в большей степени соответствуют названиям населенных пунктов (Сальхам, Бодохам, Видохам), чем это было в кратком прологе и «Liber historiae Francorum». Напомним, что в кратком прологе и в «Liber historiae Francorum» этими

людьми были Визогаст, Салегаст, Арогаст и Видогаст, а селениями – Бодохам, Салехам и Видохам. Исследования, где сколько-нибудь подробно изучались бы эти имена собственные, нам не известны. Можно согласиться с мнением Экхардта, что ойконимы являются производными от антропонимов [8, S. 168]. В таком случае Арогаст явно лишний, в то время как Бодохам оказывается без своего «представителя» (Визогаст и Видогаст, видимо, варианты одного и того же имени). В длинном прологе эти несоответствия были устранены. В-третьих, добавлена часть об исправлении права королями, что связывает данную редакцию (да и другие тоже) Салической правды с некой изначальной ее версией.

Складывается впечатление, что здесь мы имеем дело не с постепенным развитием текста, а с довольно быстрым складыванием легенды о появлении Салической правды как составной части мифологизированной истории происхождения франков. По нашему мнению, первичен все же текст «Liber historiae Francorum», откуда был извлечен сюжет о четырех мужах, составивших салический закон, ставший основой краткого пролога. Наши аргументы следующие: а) в «Liber historiae Francorum» Визогаст, Визогаст, Арогаст и Салегаст названы «*priores gentiles*», а в прологах Салической правды – «*electi de pluribus viris*»; б) в «Liber historiae Francorum» отсутствует описание самого процесса нормотворчества, а в прологах оно есть в практически идентичных словах: «*per tres mallus convenientes, omnes causarum originis sollicite discutiendo [tractantis] de singulis iudicium decreverunt*» (очевидно, что для автора хроники сюжет с законодательством был второстепенным по сравнению с избранием первых королей); в) в свою очередь, в прологи не попала история избрания Фарамунда как не имеющая прямого отношения к созданию салического закона. Длинный пролог, составленный спустя некоторое, возможно очень непродолжительное, время, придал этой легенде законченный, логически и риторически совершенный вид.

Таким образом, мы можем предложить следующую датировку легенды о законодателях: между 727 и 751 гг. Если первая дата вытекает из времени составления «Liber historiae Francorum», то вторая – из того соображения, что длинный пролог называл исправителями правды королей Меровингов, то представляется вероятной его датировка временем, предшествующим падению этой династии.

Текст прологов к Салической правде перекликается с преамбулой к другой *lex barbarorum*, а именно к Баварской правде (*Lex Baiuvariorum*). Ее окончательная редакция, содержащая пролог, относится к 40-м гг. VIII в. [11, S. 26–27]. Большая его часть является заимствованием из «Этимологий» Исидора

Севиальского, кратко изложившего всемирную историю права от Моисея до Феодосия и давшего свои знаменитые определения закона и обычая. Приведем этот пролог в несколько сокращенном варианте: «Моисей из еврейского народа первым выразил закон Божий священными письменами; царь Фороней первым дал закон и правосудие грекам, Меркурий Тригемист – египтянам; Солон – афинянам, Ликург – спартанцам, Нума Помпилий... – римлянам. Затем те избрали децемвиров, которые на латыни записали законы из книги Солона на 12 таблицах... Феодосий Младший... сделал кодекс..., дав указы каждого императора под отдельным титулом... Затем каждый народ отобрал из обычаев законы, ибо каждый древний обычай принимается за закон... Теодорих, король франков, когда был в Шалоне, избрал мудрецов из своего королевства, которые знали древние законы. Он приказал записать, согласно их обычаям, законы франков, аламанных и баваров, всех тех народов, которые были в его власти, добавив то, что нужно добавить, и устранив все неподходящее и плохо устроенное. И то, что составляло языческий обычай, было изменено согласно христианскому закону. А что в древних языческих обычаях не исправил Теодорих, начал исправлять король Хильдеберт, а король Хлотарь завершил. И все это Дагоберт, самый славный из королей, возродил при помощи знатных людей Клавдия, Хадоинда, Магнуса и Агилульфа. Лучшее из старого права было записано, и он дал каждому народу писаное право, которое в ходу и до сего дня...» [12, р. 257–259].

Текст, созданный приблизительно в то же самое время, что и прологи к Салической правде, построен на тех же самых топосах: знатоки права провозглашают и записывают закон, короли франков его исправляют и улучшают. При этом они, правда, сложнее. Знатоки права действуют дважды: в первый раз они безымянны, во второй – перечислены поименно (что характерно, их четверо, и они названы *virii illustrii*; один из них – Агилульф – предок-эпоним баварского герцогского рода Агилульфингов, кто остальные, остается только гадать). Короли исправляют не только неподходящее и плохо устроенное, но и языческий обычай в соответствии с христианским законом (длинный пролог лишь намекает на это, говоря, что исправление права произошло после крещения Хлодвига). Наконец, обретение *gentes barbarorum* Франкского государства в данном прологе помещено в контекст всемирной истории права и законодательства. Единственная параллель этому в раннесредневековом законодательстве обнаруживается в судебнике («*Domboc*») Альфреда Великого [13, с. 291–296].

Каким образом эти тексты повлияли друг на друга? Думается, что сюжет о сведущих в праве представителях знати, провозглашающих закон, франкского

(или общегерманского) происхождения. А вот топос обновления, улучшения и исправления старого права, инкорпорирующий в свой состав имена королей, приложивших к этому руку, имеет очевидные южные параллели, уходящие корнями в римскую правовую культуру. Так, в прологе к одной из новелл Юстиниана (Nov. VII, Pr) сказано: «Целью нашей всегда было очистить то, что прежде было несовершенным и вызывавшим недоумение, и обнаружить совершенное в несовершенном. Поступив так в отношении всего законодательства, мы решили и в том, что касается отчуждения священного имущества, объединить все законы в один, который вмещает и сообщает все прежние и, что отсутствовало, добавляет и, что являлось чрезмерным, устраняет» [14, р. 48].

Однако весьма сомнительно, чтобы в середине VIII в. в Баварии были знакомы с текстами новелл Юстиниана. Видимо, с этим топосом составители Баварской правды познакомились через лангобардский «Эдикт Ротари», чья преамбула повторяет пролог юстиниановской новеллы почти дословно: «Мы... усмотрели, что необходимо привести в порядок настоящее законодательство, которое вмещает и сообщает все прежние [законы] и, что отсутствовало, добавляет и, что являлось чрезмерным, устраняет». Затем следует перечень лангобардских королей, чьи имена были сообщены Ротари старыми людьми (*antiqui homines*) [15, р. 1–2; 16, с. 15]. Это ставит историю *leges* лангобардов в контекст всей истории этого *gens barbarorum* и его королей. Точно так же рассмотренные выше тексты ставили *leges* франков и баваров в контекст истории этих *gentes* и их правителей. Но если в «Эдикте Ротари» соединение топоса обновления закона и истории в «Эдикте Ротари» соединение топоса обновления закона и истории *gens barbarorum* (отождествляемой с историей его королей) достаточно искусственное, то в длинном прологе Салической правды и в прологе Баварской правды оно более органично.

Таким образом, сюжет обновления королями древнего законодательства появился в Салической и Баварской правдах под влиянием текста «Эдикта Ротари» в 740-е гг. Разумеется, знакомство с текстом, послужившим образцом для его имитации (или, по мнению П. Уормальда, эмуляции [17, р. 101]), было необходимой предпосылкой такого заимствования. Учитывая традиционные тесные связи Баварии и лангобардской Италии, можно предположить, что «Эдикт Ротари» стал известен во владениях Агилульфингов задолго до указанного времени. Однако потребность в его использовании как образца для подражания появилась лишь в правление предпоследнего из них – Одилона. На мой взгляд, причиной этого было установление более плотного франкского контроля над Баварией в 40-е гг. VIII в., что было частью

масштабного процесса консолидации франкского государства, составлявших его *gentes* и их элит при Карле Мартелле и Пипине Коротком, действовавших от имени королей из рода Меровингов. Она сопровождалась началом нового этапа христианизации, особенно активно шедшего в землях аламанов и баваров. Видимо, отсюда в прологе идеи о замене «языческих обычаев» на «христианский закон». Включение в пролог к Баварской правде сюжета об обновлении древнего племенного права франкскими королями служило символическим выражением союза баварской знати и Меровингов при доминировании последних. Той же цели – консолидации франкской элиты вокруг правящей династии (фактически вокруг рода Пипинидов, который скоро ее сменит) через создание средств символического господства – служило составление «*Liber historiae Francorum*» и прологов к Салической правде.

Однако варварские правды для правителей франков имели не только символическое значение. Еще в конце 70-х гг. прошлого века рядом ученых было высказано мнение, что во Франкском государстве писаное право в отличие от устного слова не было главным средством государственного управления. Отмечалось, что Карл Великий пытался изменить такое положение дел, но достиг весьма ограниченного успеха [18, S. 471–483; 14, p. 123–125]. Рискну предположить, что первая попытка такого рода относится ко времени правления его отца еще как майордома при Меровингах. Наши аргументы следующие.

Во-первых, именно к времени Пипина первая из дошедших до нас рукописей Салической правды – Вольфенбюттельская рукопись. Справедливости ради следует сказать, что датируется она временем его правления уже как короля, принадлежит к наиболее древней редакции и содержит немалое количество описок и несуразностей, говорящих о том, что переписчик явно плохо понимал смысл текста [18, S. 465–466]. Однако сам факт изготовления этого манускрипта свидетельствует о повышенном внимании к писаному праву.

Во-вторых, редакторы версий «С» и «D» явно стремились сделать ее более удобной в практическом использовании, осовременить содержащееся в ней право. Так, например, сотый титул (в классической редакции «А» он идет 58-м) «*De sene cruda*» («О горсти земли») имеет помету «*quod paganorum tempus observabant*» («соблюдалось в языческие времена»), а в редакции «D» он вообще опущен [10, S. 238], что соответствует провозглашенному в прологах к Баварской и Салической обновлению права в соответствии с христианским законом.

В-третьих, именно на середину VIII в. приходится несколько примеров (из общего их невеликого

числа) цитирования Баварской правды в актовом материале [11, S. 29].

Таким образом, при Пипине Коротком произошло возрождение, возвращение к жизни древнего права франков и баваров, что потребовало легитимации этих текстов в глазах подданных, прежде всего знати соответствующих *gentes*, для чего были использованы прологи, содержавшие топоры провозглашения права его знатоками из числа племенной аристократии и последующего исправления и обновления франкскими королями.

Возникает вопрос: почему другие *leges barbarorum* не содержат таких прологов? Одно из возможных объяснений состоит в том, что остальные варварские правды занимали во Франкском государстве действительно маргинальное положение в административной и правовой культуре: Тюрингская, Саксонская и Фризская правды дошли до нас в единичных экземплярах, никаких ссылок на них, даже расплывчатых и неопределенных, в актовом материале нет. В то время как Салическая правда существует в более чем 60 рукописях, а Баварская – в 30; не всегда однозначно трактуемые, но ссылки на них в грамотах VIII–X вв. тоже есть [18, S. 453–456]. Иными словами, Тюрингская, Саксонская и Фризская правды и не предназначались к широкому распространению, прологи, как средства символической власти, этим текстам были не нужны. Однако Рипуарская и Аламандская правды в эту логику не укладываются: они дошли до нас в 35 и 45 манускриптах соответственно, но прологов не имеют. Возможно, в случае с Рипуарской правдой дело в том, что рипуарские франки (на самом деле зная Австразии) не составляли ярко выраженной идентичности, более того, в условиях консолидации франкских земель вокруг Пипинидов, которые сами принадлежали к австразийской знати, ее выгодно было затушевывать. Аламандская же правда не имеет пролога по той причине, что была создана в краткий период независимости от власти франков (714–722 гг.), что обнаруживает такую функцию раннесредневекового права как средства символического выражения независимости и этнической идентичности, но это же тема для отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ries G.* Prolog und Epilog in Gesetzen des Altertums / G. Ries. – München, 1983. – VIII. – 248 S.
2. *Fogon M. T.* The legislator's monologue – notes on the history of preambles / M. T. Fogon // *Chicago-Kent law review.* – Vol. 70. – 1995. – P. 1593–1620.
3. *Codex Iustinianus* / Ed. P. Krüger. – Berlin, 1877.
4. *Pactus Legis Salicae* / Hg. von K.-A. Eckhardt. – Bd. II. – T. 1 : 65–Titel Text. – Göttingen, 1955.
5. Салическая правда / пер. Н. П. Грацианского ; под ред. В. Ф. Семенова. – М., 1950.

6. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Ed. B. Krusch. – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. – Т. 2. – Hannover, 1888.

7. Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X / Ed. B. Krusch et W. Levison. – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. – Т. 1. – P. 1. – Hannover, 1951.

8. Pactus Legis Salicae / Hg. von K.-A. Eckhardt. – Bd. I. – Т. 1 : Einführung. – Göttingen, 1954.

9. *Wormald P.* The leges barbarorum : law and ethnicity in the post-Roman West / P. Wormald // Regna and gentes / Ed. by H.W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl. – Leiden, 2003. – P. 21–54.

10. Lex Salica. 100-Titel Text / Hg. von K.-A. Eckhardt. – Weimar, 1953.

11. *Buchner R.* Die Rechtsquellen / R. Buchner. – Weimar, 1953.

12. Leges Alamannorum. Leges Baiuvariorum. Leges Burgundionum. Lex Frisionum / Ed. G. H. Pertz. – Monumenta Germaniae Historica. Leges (in Folio). – Т. 3. – Hannover, 1863.

13. *Золотарев А. Ю.* «Dictaverunt legem... per proceris ipsius gentes» : апелляция к предкам и традиции как

средство легитимации законодательства в раннесредневековой Западной Европе / А. Ю. Золотарев // Средние века. – Вып. 74. – 2013. – № 3–4. – С. 287–297.

14. Corpus Iuris Civilis. – Т. III : Novellae / Ed. R. Shoell et W. Kroll. – Berlin, 1895.

15. Leges Langorbardorum / Ed. G.H. Pertz. – Monumenta Germaniae Historica. Leges (in Folio). – Т. 4. – Hannover, 1868.

16. *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени / Е. А. Шервуд. – М., 1991.

17. *Wormald P.* The making of English law : king Alfred to the twelfth century / P. Wormald. – Oxford, 1999.

18. *Nehlsen H.* Zur Aktualität und Effektivität germanischer Rechtsaufzeichnungen / H. Nehlsen // Recht und Schrift im Mittelalter / Hg. von P. Classen. – Sigmaringen, 1977. – S. 449–502.

19. *Wormald P.* Lex scripta and verbum Regis : legislation and Germanic kingship, from Euric to Cnut / P. Wormald // Early medieval kingship / Ed. by P. H. Sawyer and I. N. Wood. – Leeds, 1977. – P. 105–138.

Воронежский государственный технический университет

Золотарев А. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии

E-mail: antoniusaurelian@mail.ru

Тел.: 8-920-464-73-34

Voronezh State Technical University

Zolotarev A. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Politology Department

E-mail: antoniusaurelian@mail.ru

Tel.: 8-920-464-73-34